

Алгоритм ПС включает: осознание необходимости ПС, планирование ПС, создание условий для ПС, организацию, оценку промежуточных и итоговых результатов, анализ, коррекцию, моделирование ПС.

Технологии ПС:

- стратегия ПС: перспективы, замысел, план действий, планирование хода сопровождения;
- тактика ПС: система ПС, включающая компоненты;
- техника ПС: совокупность способов, методов, и форм использования психологического инструментария.

В основе ПС лежит принцип индивидуального подхода. Планируется под конкретного ребенка.

Если планируемые изменения оказываются слишком обширными и опережающими возможности старшеклассника, то он может оказаться или не готовым к их принятию, или же эффект воздействия окажется слишком кратковременным.

Этологически ориентированные подходы к профилактике нарушений поведения у воспитанников сиротских учреждений

Шевченко Ю.С.

Российская медицинская академия последипломного образования.

europsy@mail.ru

Фрустрация естественных детско-родительских взаимодействий, в норме базирующихся на врожденных поведенческих моделях (изначально имеющих защитный и/или адаптивный характер), требует от персонала детских учреждений специальных знаний и умений, позволяющих строить коммуникации с детьми не в противоречии, а в согласии с филогенетически-инстинктивными механизмами социализации ребенка. В первую очередь это касается детей раннего возраста, но остается весьма актуальным и на

последующих этапах онтогенеза [В.Р.Дольник, 2004; Д.Моррис, 2004]. В противном случае сиротское учреждение рискует уподобиться территориальному изоляту, в котором воспитатели - «миссионеры» тщетно пытаются найти общий язык с детьми - «туземцами» и обратить их в свою веру, искренне удивляясь «неблагодарному» и «неразумному» поведению последних. Основной же постулат этологии заключается в том, что нет абсолютно бессмысленного поведения, любое поведение изначально носит защитный и/или приспособительный характер.

Ниже приводятся некоторые психопрофилактические, коррекционно-педагогические и психотерапевтические приемы, отработанные нами в контексте онтогенетически-ориентированной (реконструктивно-кондуктивной) психотерапии [Ю.С.Шевченко, 1995-2007] и применимые в условиях дома ребенка, детских домах и иных лечебно-воспитательных учреждениях.

В доме ребенка следует обеспечить сохранение сформировавшихся эмоциональных связей в искусственной семье, базирующейся на произвольной, инстинктивной любви взрослых к детям и не только к своим. Этот инстинкт проявляется во время игры в куклы у девочек, которые, достигнув подросткового возраста, жаждут уже нянчить живых детей. Такие искусственные семьи существуют у всех приматов, когда воспитанием осиротевшего детеныша занимается вся стая, реализуя тем самым обобщенный инстинкт сохранения вида. В то же время, большими шансами выживания обладает детеныш, взятый под персональную опеку кем-то из старших, берущего на себя роль «родной тетки». В связи с этим необходимо отказаться от существующей психотравмирующей практики многократной смены воспитателей в связи с переходом ребенка из одной группы в другую. В качестве профилактики «детдомовской дедовщины», возникающей из инстинктивной детской иерархии, может быть предложен следующий прием. Самого незащищенного ребенка следует попробовать поместить в группу более старших детей, которые к нему будут относиться как к «игрушке», младшему сородичу и опекать. В группе сверстников субординация, как правило,

устанавливается на основании этологического принципа силового превосходства, визуальным признаком которого является превосходство в росте. В связи с этим самым маленьким следует надевать обувь на высокой платформе. Разделению сфер лидерства может способствовать моделирование успешности низкоранговых членов группы в той или иной сфере деятельности. В любой группе существуют «дети-психотерапевты», «детские мамы». Задача воспитателя – выявить такого альтруистичного ребенка и с его помощью повысить эффективность воздействия на всю группу. В противном случае они могут стать отрицательными лидерами, организаторами системы круговой поруки, конфронтации против взрослых, создателями детской субкультуры, подобно шаманам в архаических сообществах [В.П. Самохвалов, 1995]. И в детском учреждении и дома помимо миграционной территории у ребенка должна быть «своя территория», предполагающая наличие индивидуального пространства (включая личные вещи и возможность самостоятельно регулировать расстояние от других людей). Это оптимизирует социальные коммуникации человека, ориентированные, как и у остальных приматов, по принципу доминирования и иерархии. При отсутствии личной территории (где ребенок при желании свободно может побыть в одиночестве), либо при нежелательном вторжении взрослых и других детей у ребенка развивается явная или скрытая («психосоматическая») тревога, бессознательные территориальные претензии в виде разбрасывания вещей и игрушек, феромонной маркировки (в частности, в форме энкопреза и энуреза), шумовом и звуковом (в т.ч. в форме громкой речи или музыки) обозначении границ пространства, на которое претендует ребенок. К территориальному поведению примыкает бессознательное стремление метить пространство, оставляя зарубки, повреждения, царапины, пометки, знаки, рисунки, надписи маркирующие окружающий мир, «очеловечивающие» его, придающие разнообразие, организовывающие и упорядочивающие во временной, пространственной и событийной последовательности. В этом смысле рисование на партах, столах, стенах – естественное (инстинктивное) маркировочное поведение и это должно

учитываться персоналом, склонным запрещать «пачкать и разрисовывать» не предлагая альтернативы.

Не имея личных вещей, не обладая собственностью, ребенок ведет себя по принципу: «Все, что наше – то мое», становясь завистливым, вороватым и агрессивным. С точки зрения этологии детское воровство – проявление инстинкта собственности, а ложь – замещающее поведение (смещенная активность), сбивающее с толку тех, кто собирается наказать.

В то же время даже маленький ребенок нуждается не только в личных вещах, но и личных «ценностях», которые он может накапливать, реализуя древний инстинкт собирателя [В.Р. Дольник, 2004]. Воевать с этим инстинктом бессмысленно. Возможно, в детском учреждении полезно предусмотреть места для хранения детьми личных «ценностей» по аналогии с «личной ячейкой» в банке. Удовлетворение данной врожденной потребности служит основой принятия культурной традиции, запрещающей рыться в чужих вещах и читать чужие письма.

Стремление прятать пищу характерно для состояний депривации и эндогенной депрессии, при которой к вечеру повышается потребность в углеводах. Растворение инстинктивных механизмов поведения в условиях воспитательного учреждения может проявиться в актуализации существующей у многих видов животных врожденной программы воровства. При этом она может срабатывать не только в трудных ситуациях выживания, но при полном благополучии в форме игры. По тому же принципу построены многие спортивные игры (футбол, рэгби, хоккей и проч.), основанные на азарте отнимания. В этом смысле становится понятным, легкое возникновение у асоциальных детей поведения, напоминающего взрослый рэкет. Социальной альтернативой воровства являются спортивные игры, построенные на принципе отнимания – футбол, хоккей, ручной мяч, водное поло и т.п.

Возрастное продвижение по иерархической лестнице, особенно в закрытых учреждениях, сопровождается: приобретением престижных символов; приобщением к недоступной ранее информации; доступом к

предметному или пищевому дефициту (играющих ту же этологическую роль, что у взрослых черная иномарки со спецномером, мигалкой и сиреной, «вертушка» для связи с Кремлем, vip-ложа в театре, обслуживание в спецполиклинике и отоваривание в спецраспределителе).

Обладатели символов ранга (у животных - размер и сексуальность, у людей - принятые в данной культуре признаки достатка и власти, у детей – физические или социальные знаки доминирования) составляют высший иерархический уровень любого коллектива – «патриции». Под ними располагается «средний класс» приближенных, которым разрешено прикосновение к обладателям символов и посвящение в высший класс (своеобразная инаугурация). Низшую ступень занимают «плебеи», не имеющие доступа к символам. Отказ от общешкольной формы ужесточил спонтанную иерархическую конкуренцию в детских классах за счет «парада мод», вернув ее к чисто животному уровню (по типу «чья шерсть пушистее» и «у кого рога ветвистее»).

Изменить иерархию можно, изменив качество или количество символов престижности, развенчав «патрициев», посвятив нижестоящих в более высокий ранг.

В то же время следует помнить, что каждый из рангов имеет как свои преимущества, так и недостатки. Создать «блеф» доминирования (с целью увеличения шанса победить в соперничестве и повысить свой иерархический ранг) или субмиссивности (с целью избежания конкурентной агрессивности, грозящей обидой и снижением ранга, поскольку инстинктивно конкурируют особи, стоящие рядом на иерархической лестнице, вожаком же становится на защиту слабейшего), можно целенаправленно, используя их этологические признаки в невербальном поведении. Опущенная голова (создающая для стоящего напротив впечатление более детского лица - «минус лицо») и плечи, съеживание, прятание рук, избегание взгляда, слабый голос, являясь признаками подчинения (субмиссии), побуждают взрослого к поведению опеки, подавляя воспитательную агрессию.

Поднятая голова создает впечатление преобладания лицевого черепа над мозговым, что характерно для более взрослой и высокоранговой особи.

У детей, занимающихся гимнастикой, танцами, больше шансов выглядеть доминантно («вырасти» в глазах окружающих) за счет всего лишь осанки и походки. В период экономических трудностей строительство детской иерархии основывается не на символических ценностях, а на основе доступа к пище. Так же как и приматы, дети образуют возрастные «банды» для совместного добывания пищи. Доступ к пищевому и предметному дефициту определяет построение иерархии в закрытых детских учреждениях. Близость к учителю, воспитателю как обладателю информации и символу социальных ценностей делает учеников, сидящих на первых партах, потенциальными отличниками в глазах детей, а, сидящих за последними партами, – реально «последними». Чем ближе сидят ученики, тем реже они проявляют социальный протест и тем выше оценивает их способности учитель.

Пересаживая учеников на разные парты в смысле приближенности (ближе-дальше) и сторонности (справа-слева) по отношению к учителю, можно влиять на иерархию в классе. Оптимальным представляется ситуация, когда все ученики сидят полукругом в одном ряду перед столом учителя.

В профилактическом плане проблема девиантного поведения заключается в обеспечении разрядки накопившейся агрессивности в социально приемлемых формах. Для этого существует ряд общебиологических и чисто человеческих механизмов: переориентация агрессии на эрзац-объекты или регламентация процедуры прямого соперничества; сублимация агрессии в не менее воодушевляющих, но допустимых и социально полезных видах деятельности и творчества; социально одобряемые формы реализации потенциальной агрессии в борьбе с общим врагом; катарсис при осуществлении агрессии в отношении представителей других видов; отреагирование агрессии в мечтах, фантазиях, воображении, азартных играх и жестоких зрелищах; ритуализированные формы внутривидовой агрессии - спорт, в том числе экстремальный (способный

выступать в качестве альтернативы аддиктивному поведению), параспорт (болельщики-фанаты), военизированные и скаутские лагеря.

Приведенные коррекционно-воспитательные приемы, ориентированные на этологические механизмы поведения ребенка, ни в коей мере не являются альтернативой социально-личностному подходу, а лишь облегчают его осуществление в реализации основного принципа детской психотерапии – принципа радостного взросления.

Структура эмоциональных состояний детей со сложными вариантами нарушений психического развития

Шельшакова Н.Н.

КГПА, г. Петрозаводск

Ежегодно увеличивается количество детей, испытывающих трудности в освоении учебных программ, в адаптации к школе и социальному окружению. Вместе с тем проблема школьной и социальной дезадаптации возрастает, так как повышается количество детей со сложными вариантами нарушений психического развития, к которым, в частности, относится и часть школьников с умственной отсталостью с гипердинамическим синдромом (Е. С. Иванов, 2006)

В связи с этим актуальной является проблема определения основных негативных эмоциональных состояний, которые сопровождают школьные трудности этих детей. Непринятие во внимание коморбидности нарушений может способствовать усугублению школьной и социальной дезадаптации детей, девиантному поведению (Ч. Венар, П. Кериг, 2007).

В исследовании участвовали 65 младших школьников, из них экспериментальную группу составили 25 детей с легкой степенью умственной отсталости в сочетании с гипердинамическим синдромом (УО и СДВГ) и 40 детей с легкой степенью умственной отсталостью (УО) без СДВГ. Базой для исследования послужили специальные (коррекционные) школы Карелии.